

Хиты научпопа

Victoria Shepherd

A History of Delusions

The Glass King,
the Substitute Husband
and a Walking Corpse

Виктория **Шеперд**

История бредовых расстро

жизнь в плену
иллюзий

Реальные клинические
случаи в истории

Издательство АСТ
Москва

ВСЯ
ИСТОРИЯ

УДК 616.89:94
ББК 56.14:63.3
Ш48

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается

This translation of *A History of Delusions: The Glass King, A substitute Husband and a Walking Corpse* is published by AST Publishers Ltd by arrangement with Oneworld Publications via ООО «Synopsis Literary Agency»

Художественное оформление обложки — *Дмитрий Агапонов*
Перевод с английского языка — *Ольга Семина*

Шеперд, Виктория.

Ш48 История бредовых расстройств. Жизнь в плену иллюзий / Виктория Шеперд / пер. с англ. О. Семиной. — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2026. — 352 с. — (Хиты научпопа).

ISBN 978-5-17-154590-1 (рус.)

ISBN 978-0-86154-091-4 (англ.)

В своей новаторской работе английский историк Виктория Шеперд на примере реальных клинических случаев раскрывает тему бредовых расстройств в истории Англии и Франции с IV до XX в. Опираясь на достижения современной психологии, автор видит в проявлениях безумия сложный механизм психологической защиты личности, исследуя тонкую, размытую грань между здравомыслием и безумием. Виктория убеждена, что это не просто странные причуды, они хранят ключ к коллективным тревогам и травмам, а также открывают возможность получить доступ к истинным мотивам поступков человека.

Книга представляет возможным читателю самому вынести вердикт о безумии тех или иных исторических персонажей и сделать проекцию в настоящее, где можно часто встретить людей, одержимых различными странными идеями.

УДК 616.89:94
ББК 56.14:63.3

ISBN 978-5-17-154590-1 (рус.)
ISBN 978-0-86154-091-4 (англ.)

© Victoria Shepherd, 2022.
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается Мохиту и Кит,
а также моим родителям —
Энн и Джеку

И всякий раз она ни точно та же, ни совсем другая.

*Поль Верлен.
Мой вечный сон. 1866*

В бредовой идее может найти выражение все, чего человек желает и чего страшится, а также, насколько можно судить по имеющимся у нас на данный момент знаниям, и многие другие вещи: возможно, даже любые переживания или мысли.

Эйген Блейлер. 1911

ПРЕДИСЛОВИЕ

Р

уан, северная Франция, 1340-е годы. За шатким бревенчатым домиком у реки Сены, в глубине заднего двора, ярко-оранжевым светом горит печь. Стеклодув растапливает ее как можно жарче: он работает над чем-то совершенно новым, что позволит непременно разбогатеть. Он кидает в топку последнюю порцию угля, вытирает вспотевший лоб тыльной стороной руки, высыпает из ведра в тигель еще одну меру песка, потом меру золы. Затем замешивает шихту, отправляет ее в ревущую печь и ждет, пока смесь нагреется. Вот она начинает бледнеть: температура достаточно высока, чтобы началась нужная реакция. Мастер подносит к печи стеклодувную трубку и начинает слой за слоем наматывать на нее тягучую расплавленную смесь, как ириску, пока на конце трубки не образуется оранжевый шарик. Он прикладывает рот к трубке и с силой дует в нее; на другом конце надувается шарик. Стеклодув отправляет его в огонь и начинает вращать, наблюдая, как центробежные силы формируют из него плоский дискообразный слиток. Теперь мастер осторожно отсоединяет слиток от трубки. В середине диска он видит «яблочко» — то место, где трубка присоединялась к слитку. Вокруг «яблочка» материал тоньше, и его можно разрезать на ромбы

для использования в окнах. Именно это и нужно нашему стеклодуву. Пока все выглядит хорошо, но ведь и прежде уже бывало так, что он слишком рано начинал радоваться. Он наблюдает за тем, как материал постепенно остывает. Песок начинает терять свою кристаллическую структуру и приобретать совершенно новую, на молекулярном уровне находящуюся где-то посередине между жидкостью и твердым веществом. Этот материал будет твердым, как и более примитивная версия, но, если у мастера получится ее немного усовершенствовать, то все будет совсем иначе... Дрожащей рукой стеклодув поднимает слиток к глазам и вглядывается в его прозрачную глубину. Вот кривая линия крыш четко вырисовывается на фоне неба; а вот и верстак, и его башмаки... Ему не приходится даже щуриться, нет ни малейшего намека на мутность. Слиток совершенно прозрачный. Этот материал подарит виду сквозь оконное стекло новую, захватывающую дух четкость. Возможно, его даже будут использовать для увеличения объектов. Знатным людям это понравится, они съедутся в Руан и купят столько стекла, сколько он сможет изготовить. Мастер на секунду замирает. Ему вдруг приходит в голову, что благодаря этому материалу изменится не только толщина его кошелька. Изменится то, как люди видят мир.

Появление этого инновационного материала, изготовленного с помощью почти алхимического процесса — превращения песка с помощью огня в нечто хрупкое и прозрачное, оказало глубокое влияние на некоторые слои французского общества. Богатые и знатные люди с удовольствием приобретали изделия из нового стекла — кронгласа — для домашнего использования; они бережно держали его в руках, осторожно постукивали по нему, с удивлением смотрели сквозь него на мир и изумленно наблюдали за тем, что случится, если его уронить.

Но есть во всей этой истории и еще один, весьма неожиданный, момент. Изобретение кронгласа имело более

странные последствия, чем мог себе представить руанский стеклодув. Кронглас поистине изменил то, как люди видели мир, но дело было не только в идеальной прозрачности сделанных из него окон. Преобразующая сила этого материала, его алхимия, воздействовала на людей, принесших его в свои дома. Она проникала в них, влияла на них на более глубоком уровне, изменяла их восприятие самих себя. Некоторым начинало казаться, что химическая реакция происходит в их собственном теле: словно что-то странное творится с их ногами, руками. Людям казалось, что они превращаются в стекло — отдельные части их тела становятся такими же полупрозрачными, ломкими и хрупкими. Это был поразительный пример того, как в результате влияния внешних процессов на внутренние формируется бредовая идея, назначение которой — помочь человеку исправить его отношения с миром.

Описанное явление получило известность благодаря королю Франции Карлу VI, которому в XV веке довелось переживать такую метаморфозу на глазах у встревоженных придворных. Папа Пий II писал в своих хрониках, что в одежду Карла вшивали железные прутья, чтобы его стеклянные кости не сломались, если он кого-нибудь коснется; говорили также, что он заворачивался в одеяла, чтобы ненароком не разбить ягоды (1). Только представьте себе монарха, который дни напролет проводил в исступлении от беспокойства, закутавшись в мягкие покрывала: его страна была истощена Столетней войной, а его заботило лишь то, как бы его зад не разбился вдребезги о какую-нибудь твердую поверхность.

«Стеклянный бред», как стали называть это состояние, был лишь одним из странных и интригующих психологических феноменов, которые предлагает нашему вниманию история бредовых расстройств. При ближайшем рассмотрении оказывается, что каждый такой исторический «курьез» — это воплощенная тайна реального, живого человека; но только зашифрованная, упакованная в обертку

необычного образа, бросающая нам вызов и побуждающая разобраться в том, какие надежды и страхи за ней скрываются. Что этот человек хочет нам сказать? Способны ли мы его понять? В том, что касается подобных бредовых идей, ставки всегда чрезвычайно высоки. Речь идет о жизни и смерти. Король не просто так предупреждает, что к нему нельзя приближаться, иначе он разобьется на миллион кусочков. Внутренние и внешние факторы, из которых во все века складывалось любое бредовое расстройство, зависят от конкретного случая, но суть этого явления всегда одна: это выражение некоей болезненной насущной потребности. За внешней абсурдностью бреда скрывается реальная опасность, грозящая человеку, если эта его потребность не будет удовлетворена. Каждая из таких историй приобретает черты психологического триллера, приглашая нас побродить по мрачным и таинственным закоулкам и попытаться разгадать тайну, хотя бы на миг разглядев за ней самого человека. И главная интрига триллера заключается в том, получит ли этот человек то, что ему так нужно.

Описание бредовых расстройств только начинает свой путь в качестве самостоятельной области исследования. Анализ конкретных клинических случаев, наблюдавшихся на разных отрезках временной шкалы, позволяет нам лишь заглянуть, словно в замочную скважину, в эту традиционно упускаемую из виду область повседневного человеческого опыта. Случаи бреда во все времена документировались, в первую очередь, как курьезы или как чудеса человеческого разума. Я же предлагаю повнимательнее взглянуть на жизненный путь каждого из этих людей; пройти с ними вместе по улицам, которыми они ходили, то погружаясь в тень, то на время выходя из нее; увидеть хоть одним глазком реальные события их биографии и получить хотя бы приблизительное представление о жизни и переживаниях человека, оказавшегося во власти своего воображения. Возможно ли это — найти следы пройденного

человеком пути и узнать, каково ему было зарабатывать на жизнь, пытаться разобраться в превратностях любви и семейной жизни, переживать рождение и смерть детей, болезни, войны, политические и религиозные катаклизмы, справляться с тревожным предчувствием грядущего? Возможно ли, что это поможет нам лучше понять суть его бредовой идеи?

О тех, кто стал жертвой бредового расстройства, обычно говорят без всякого почтения, насмешливо и бесцеремонно. Я надеюсь вернуть этим людям человеческое достоинство, попытавшись разобраться в том, какой была их жизнь.

ВВЕДЕНИЕ

Бред в широком смысле слова — это ошибочная, не разделяемая другими людьми навязчивая идея, которой больной продолжает придерживаться, несмотря на веские доказательства обратного.

Откуда берутся бредовые расстройства и что они означают? Вопрос весьма интересный. В конце концов, ведь требуются огромные творческие усилия, чтобы создать альтернативную реальность, и не менее героические усилия, чтобы отстоять эту реальность перед лицом тех, кто не разделяет это убеждение (то есть всех остальных людей) и охотно посмеется над вашими утверждениями, что у вас стеклянные ноги или стеклянный зад.

Описание случая бреда нередко напоминает сказку, не хватает только добавить в начале «Когда-то, давным-давно...». Каждый из таких случаев загадочен и своеобразен, и разгадать его истинное значение непросто. Как и сказки, эти истории посвящены извечным темам, таким как Бог, деньги, любовь, власть, превратности судьбы, смерть. Бред — это воображаемое пространство, и человек, переживающий его, будто проходит сквозь зеркало в альтернативную вселенную, как Алиса Льюиса Кэрролла, попавшая в Страну чудес. И все же стоит обратить чуть более пристальное внимание на истории

о бредовых расстройствах прошлых веков, как становится ясно, что тут все значительно сложнее. Создается ощущение, что бредовая идея — это нечто более обыденное и прагматичное, что-то вроде психологической тактики выживания в действии. Бредовые идеи могут казаться уходом в мир фантазий, но по большому счету верно как раз обратное. Это не полет фантазии, уносящий человека подалее от реальности; это стратегия, позволяющая справиться с реальностью. А еще, в отличие от сказок, бредовые идеи предназначены для взрослых.

Человек, страдающий бредом, цепляется за свое заблуждение, порой изо всех сил. Что же дает ему это заблуждение, если оно стоит таких усилий? Поддержку? Ощущение безопасности? Оглядываясь на опыт минувших столетий, можно увидеть, как отдельные случаи складываются в общую картину. Похоже, в функционировании бредовых расстройств прослеживаются определенные закономерности.

Все случаи бреда можно условно разделить на три типа. Первый — жизнь, в которой внезапно произошла катастрофическая перемена. Бред здесь помогает человеку приспособиться к резкому снижению социального статуса и примириться с жалким существованием, которое неизбежно за ним последует.

Вот домохозяйка из Парижа 1920-х годов, которая считает, что ее мужа и детей заменили на двойников. А вот англичанка, которая утверждает, что ее подменили при рождении и она — законная наследница Георга III. Нарядившись в свою лучшую одежду, она отправляется в Сент-Джеймский дворец, где нападает на короля с кухонным ножом. А вот мужчина, который заявляет, что он Наполеон, и выкрикивает приказы, от соблюдения которых зависят жизни сотен людей. А вот «мадам Икс» спокойно объясняет, что ужин ей не понадобится, потому что она, к сожалению, уже мертва. В каждом из этих случаев ставки предельно высоки. Все эти люди никогда не встречались,

их разделяют сотни лет, но их истории перекликаются, явно демонстрируя некоторую общность. Выясняется, что каждый из них пережил крутой поворот судьбы.

В других случаях бред может быть способом разрешить неразрешимое противоречие. Франческо Спира и Джеймс Тилли Мэтьюз — представители совершенно разных эпох. Спира — юрист, живший в Италии во времена Контрреформации; Мэтьюз — британский двойной агент, по воле судьбы оказавшийся в революционной Франции периода Террора. Оба мучимы невероятно противоречивыми чувствами и предъявляемыми к ним требованиями. Спира приходит к выводу, что он осужден на вечные муки. У Мэтьюза возникает параноидальная теория о том, что британское правительство находится в сговоре с революционерами.

И наконец, к третьему типу относится ранее упомянутый «стеклянный» король Франции с его хрупким задом. Триггером для формирования бреда в данном случае стало появление новой технологии. Беспокойный по натуре король Карл VI, проникнувшись хрупкостью нового материала, решил, что сам превращается в стекло. Его так привлекли невиданные доселе свойства этого материала, что он сделал их свойствами собственной личности. Бредовые идеи, касающиеся восприятия собственного тела, нередко представляют собой изысканные метафоры, остроумные и поэтические, даже если они являются результатом ужасной травмы, как в случае с часовщиком, который «потерял голову» под острием недавно изобретенной гильотины.

Технологический прогресс вообще то и дело фигурирует в описаниях случаев бреда. В XIX веке популяризация материала бетона привела к тому, что к врачам стали обращаться пациенты, убежденные, что у них затвердели кишки. Когда в 1950–1960-х годах по всему миру распространилась информация о хитроумных шпионских устройствах времен холодной войны, американские врачи заметили резкое

увеличение случаев, когда пациент утверждал, что агенты ЦРУ вставили ему в зуб чип, чтобы считывать его мысли.

Иногда человек становится жертвой сразу нескольких травмирующих воздействий. Именно так случилось с нашим беднягой Джеймсом Тилли Мэтьюзом: он был не в состоянии разрешить конфликт между двумя противоборствующими политическими силами, на которые работал, да вдобавок его влекли то в одну сторону, то в другую противоречивые идеи Просвещения. Поэтому он просто взял недавно открытые силы магнетизма и идеи пневматической химии и встроил их в свою теорию заговора. В основе его теории был «пневматический станок»: машина, которая с помощью этих сил позволяла заговорщикам контролировать умы людей. В истории жизни, подобной истории Джеймса Тилли Мэтьюза, часто обнаруживаются несколько накладывающихся друг на друга триггеров: к неожиданному падению по социальной лестнице могут добавляться другие травмы, тревоги и стрессы, а также, возможно, дополнительные провоцирующие факторы, сущность которых остается не до конца изученной.

Каждый из описанных в этой книге людей, страдавших бредом, поставил на карту все, публично бросив вызов общепринятой реальности ради того, чтобы окружающие наконец увидели, что ему нужно не так уж много: чтобы его заметили, обратили на него внимание, поняли, простили. Бредовая идея словно защищает того, кто верит в ее истинность; она дает надежду на примирение с миром и самим собой.

На протяжении веков страдающие бредовыми расстройствами считались воплощением безумия. Это были запутавшиеся, сбитые с толку люди, которые высказывали диковинные убеждения, противоречащие всем объективным доказательствам.

Гиппократ называл основой любого психического расстройства, включая такое, которое мы сейчас сочли бы бредом, «меланхолию». Он описывал «меланхолическое»

состояние как результат избытка черной желчи, одного из четырех основных гуморов — жидкостей тела, определяющих личностные характеристики и здоровье человека. Преобладание черной желчи он считал причиной боязливости и печали. Именно эта мрачная жидкость, по мнению представителей античной медицины, регулярно становилась источником ярких образов бредовых расстройств. Так, древнеримский врач Гален Пергамский описывал человека, охваченного страхом, что миру грозит гибель, потому что бог-титан Атлас утомился держать на плечах небесный свод. Аретей из Каппадокии рассказывал о человеке, который превратился в зерна горчицы и ждет, пока его съедят куры, и еще об одном, который вообразил себя глиняным кувшином.

Врачи и ученые разных исторических периодов, описывая нарушения мышления, отталкивались от совершенно разных систем представлений о мире, и важнейшим элементом каждой из них была информация о месте, которое занимает в этом мире человек. В античные времена считалось, что боги имеют абсолютную власть над смертными и контролируют даже их бредовые идеи. Когда на место античного пантеона в западной цивилизации пришел христианский Бог, религиозные власти безапелляционно постановили, что бредовые расстройства вызваны одержимостью демонами. С тех самых пор и вплоть до XIX века именно церковь решала судьбу людей, страдавших бредом. Позже интерпретировать это явление пытались представители целого ряда направлений медицины и психологии; в спорах о природе мыслительного диссонанса им удалось заполнить некоторые пробелы.

Собирая материал для этой книги, я провела много дней, «подслушивая» разговоры из прошлого между врачами и пациентами, страдавшими бредовыми расстройствами. Эти беседы сохранились в форме описаний клинических случаев, зачастую представляющих собой лишь фрагментарные наброски с пробелами и пропусками,